

СТО МУДРЕЦОВ
И ЧАША ВИНА

Из поэмы

Мое произведение не шутка.
Мне тему подсказала
Жизнь сама.
Вино лишает умного рассудке,
Не прибавляет глупому ума.

РАССКАЗ ВИНОДЕЛА

В чаше дорогой из хрусталя
Сверкал мускат, как пламя янтаря.
Вместительную чашу окружили
Сто мудрецов из разных стран земли.
Вино они не пили, не хвалили,
Ученый разговор о нем вели.
Кто первый в мире сотворил вино!
Найти его — так было решено.
— Зелие сие придумал бес, —
Сказал в сутане шелковой мудрец.
По чаше тихо щелкнул он,
И чаша издала певучий звон.
Не бес вино придумал, нет, не бес, —
Сказал мудрец в богатом балахоне,
Вино создал богов служитель, жрец,
Для утоленья жажды фараонов.
- Вино создали на Олимпе боги, —
Сказал
в тунике старец длинноногий.
— До появления в мир царя Иисуса
Все боги на Олимпе пили сусло.
От коего кривило рты и души,
Вздывало животы и затыкало уши.
По божьему писанию Иисус
Вино содеял лучшее на вкус.
Он превращал в вино простую воду
И отдавал как божий дар
народу.
— Не впрок пошли Иисусовы труды,
Теперь вина не купишь без воды.
Себе на благо всякий спекулянт
Спешит присвоить господу талант,
—
Сказал мудрец, не повышая тона,

В одежде современного фасона.
Не убивайте время, дайте слово, —
Сказал мудрец в высоком колпаке.
Он вид имел отнюдь не пустослова,
И книжица была в его руке.
- Не вижу истины я в зауми пустой.
Вином опился первым в мире Ной.
Но тут раздался шум,
И крик и топот:
— Народ до Ноя знал вино и пил.
Иначе бог бы не карал потопом,
И трезвых чад своих бы не топил...
Так спорили они не час, не два,
Уж на ногах держались все едва.
Когда ж опухли языки и ноги,
Решили так:
вино создали боги.
А чтобы божество не прогневить, —
Решили по глотку всем обществом
отпить,
— Такого зелия отведать — благодать,
Кто кроме бога мог его создать! —
Сказал мудрец.
Что в шелковой сутане,
И предложил на стол подать стаканы.
Все поддержали доброе начало.
Неторопливый лился разговор.
Но вот вино кого-то укачало,
И кто-то вновь заводит жаркий спор.
А через час стоял такой содом.
От коего стонал и охал дом.
Сам хмель их успокоил еле-еле.
О, как их бороды седые поредели...

Уснули мудрецы, улегся гам.
Проснулись — не поверили глазам.
Кому-то кто-то нос расквасил
ненароком,
Лежала чаша на столе с отбитым боком.
Валялись по полу осколки и стаканы.
И в заключение картина такова:
Знакомая читателю сутана
На мудреце была без рукава.
— Кто так жестоко перессорил нас? —
Раздался в тишине охрипший бас.
Не божье дело ссорить мудрецов, —
Сказал второй с нахмуренным лицом.
Они не спорили, в словах их жар остыл,
Как будто кто костер водой залил.
Держались осторожно и умело,
Оберегая звание и честь,
Как люди государственного дела.
— Кто, мудрецы, толкнул нас в
драку лезть? —
Сказал старик, высокий и худой,
Тряся печально белой бородой.
— Не бог вино содеял, человек,
А кто он будет: перс ли, турок, грек, —
Найти его могилу, откопать,
И прах его анафеме предать.
Так мудрецы в последний час решили,
Потом рукав всем обществом пришили
К нарядной, удивительной сутане
И укатили тем же часом в страны,
Из коих прибыли по мировому делу.
Найти и выявить, как небо им
велело,
Первейшего на свете винодела.